

И. В. Поткина
**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ
СОБСТВЕННОСТИ И УПРАВЛЕНИЕ
В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ: ЗАКОН И ПРАКТИКА**

doi: 10.30759/1728-9718-2021-3(72)-116-124

УДК 94(470)“18”

ББК 63.3(2)521

В статье рассматриваются некоторые вопросы развития одного из важнейших разделов гражданских законов, связанного с имущественными отношениями в сфере предпринимательства. В начале XIX в. в России происходил процесс формирования корпоративного законодательства, что поставило империю с этой точки зрения в один ряд с передовыми странами Западной Европы. Это способствовало более широкому развитию предпринимательства, которое на законных основаниях могло осуществляться в разных формах. Одновременно велась работа над развитием такой юридической категории, как институт собственности, переосмыслением и обобщением предшествующего национального опыта. Важное место в законотворческой деятельности правительства второй половины XIX в. заняли проблемы приспособления действующих норм права к особенностям социально-экономического развития страны, а также восполнения образовавшихся пробелов в связи с отменой крепостного права. В статье на примере ряда конкретных русских и иностранных акционерно-паевых товариществ показана реализация правовых норм в повседневной коммерческой практике. В конечном счете российское законодательство было приведено в общем и целом в соответствие с действующими в западноевропейских странах нормами в этой области. Опираясь на фактический материал, содержащийся в опубликованных источниках и архивных документах, автор приходит к выводу о том, что российские законы создавали благоприятные условия для предпринимательской активности и обеспечивали защиту имущественных прав купцов и фабрикантов, позволяя сохранять преемственность в деловых правоотношениях.

Ключевые слова: *правовое регулирование, законы гражданские, корпоративное законодательство, право собственности, наследственное право, акционерно-паевые общества*

В течение длительного времени легкая промышленность являлась ведущей отраслью в России, возникновение которой уходит своими корнями в далекое прошлое. Она ознаменовала собой начало социально-экономического перехода от традиционного общества к современному и стала своеобразным двигателем индустриального роста в XIX в. Текстильное производство, главным образом в виде крестьянской мануфактуры, получило сильнейший импульс к своему развитию благодаря манифесту Екатерины II от 17 марта 1775 г., который вошел в историю как манифест о свободе предпринимательства. В соответствии с законодательным актом, «всею и каждому» разрешалось «добровольно заводить всякого рода станы и рукоделия производить» без обязательства получения разрешительных документов. Одновременно промышленные заведения освобождались от дополнительных сборов, введенных по случаю войны с Оттоманской империей. Именно в конце XVIII в., согласно

новейшим исследованиям отечественных историков, российская деревня ожила, в стране зарождались промыслы и мелкие предприятия и в конечном счете активизировалась предпринимательская деятельность.¹ В те годы крестьяне, крепостные и государственные, создавали фирмы, многие из которых выросли в крупные промышленные предприятия и сыграли важную роль на внутреннем рынке России. Такого рода заведения возникали и развивались, по сути, без помощи государства, и одними из самых ярких примеров (но не единственных) стали истории семейного дела Морозовых и становления промысловых сел Иваново и Павлово, прославивших в XIX в. как «Русский Манчестер» и «Русский Шеффилд».

Практически параллельно происходило правовое обеспечение данного рода занятий, этот процесс растянулся почти на столетие. В первой половине XIX в. были приняты два главных закона, регулировавших предпринимательскую

Поткина Ирина Викторовна — д.и.н., в.н.с., Институт российской истории РАН (г. Москва)
E-mail: potka@inbox.ru

¹ См.: Манифест «О высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою» // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1-е. Т. 20. № 14275; Дёмкин А. В. Обработывающая промышленность России в конце XVIII — начале XIX в. М., 2008.

деятельность и связанных с формами ведения дела. Согласно манифесту Александра I от 1 января 1807 г., российским купцам правительство предписывало производить коммерцию в «образе товариществ» полных и на вере, получивших наименование «торговый дом». Данным законом вводились новые для негоциантов организационные формы деятельности, и он был адресован властью прежде всего богатому первостатейному купечеству. Для возникновения товарищества необходим был договор, который во второй половине столетия составлялся на основании правил, изложенных в ст. 63 Устава торгового и ст. 2132 Законов гражданских.² Другой акт от 6 декабря 1836 г. известен как «Положение о компаниях на акциях». Он регулировал общий порядок учреждения и правила деятельности акционерных компаний, а также содержал в себе проект устава, который обязано было иметь каждое общество. Параграфы рекомендованного властью статута организации регламентировались ст. 51 закона 1836 г. с отсылками на раскрывавшие их содержание ст. 10, 11, 20, 22–48 названного нормативно-правового акта.³ Именно «Положение о компаниях на акциях» поставило тогда Россию в один ряд со странами Европы, уже вступившими на путь индустриализации. В течение XIX — начала XX в. все акционерно-паевые товарищества, а также торговые дома учреждались в соответствии с введенными в 1807 и 1836 гг. правовыми нормами. В отечественной литературе содержательная сторона законов неоднократно анализировалась, современные авторы продолжают обращаться к их рассмотрению в своих конкретно-исторических исследованиях.⁴

Проекты уставов, как правило, разрабатывались ключевыми ведомствами, и во второй половине XIX в. сложился стандартный перечень

разделов и параграфов свода правил, регулировавших деятельность акционерно-паевых компаний. В начале XX в., когда в России появились многочисленные неофициальные документально-правовые сборники в помощь предпринимателям, их авторы-составители публиковали типовые проекты уставов для торгово-промышленных, экспортных, кредитных, издательских обществ.⁵ По мнению дореволюционных специалистов, юридическая сила нормативного документа публичной организации заключалась в договорном характере. Это означало, что устав был обязателен лишь для тех, кто подписался на акции или пай, но не для третьих лиц, и в особенности в тех случаях, когда его статьи шли вразрез с общим законодательством. Поэтому противоречащие ему параграфы могли быть обжалованы в судебном порядке.⁶

Что касается конкретных компаний, получивших высочайшее разрешение на открытие операций, то они публиковали свои уставы сначала в Полном собрании законов Российской империи, затем во втором отделении официального Собрания узаконений и распоряжений правительства, издаваемого при правительствующем Сенате, а также в виде специально тиражированных брошюр. Первые два параграфа такого рода нормативных документов имели прямое отношение к имуществу фирмы. Они фиксировали передачу недвижимого имущества в виде фабрик, земли, зданий и т. д. от первоначального владельца в собственность торгово-промышленного общества «по надлежащим планам, описям и оценкам» с получением от прежних хозяев крепостных актов на недвижимость. Первый раздел устава — «Цель учреждения общества, права и обязанности его», — как правило, содержал параграф, который предоставлял компании «право приобретать в собственность, а равно устраивать вновь или арендовать соответственные цели его» промышленные и торговые заведения с «соблюдением существующих законов, постановлений и прав частных лиц». При образовании акционерно-паевого товарищества не только происходила передача наследственных владений в корпоративную собственность, но и предусматривался выпуск ценных бумаг, которые представляли собой движимое имущество и которыми устанавливалось право их владельцев

² См.: Свод законов Российской империи (СЗ). СПб., 1912. Т. XI, ч. 2. Устав торговый. Ст. 59, 60, 63; Т. X, ч. 1. Свод Законов гражданских. Ст. 2132; Горбачев И. А. Товарищества полные, на вере... Закон и практика с сенатскими разъяснениями. М., 1910. С. 9, 28.

³ См.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 11, ч. 2. № 9763.

⁴ См.: Шепелёв Л. Е. Акционерные компании в России: XIX — начало XX века. СПб., 2006. С. 31–69; Поткина И. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX — первая четверть XX в. М., 2009. С. 15–19; Климова О. Г., Гончаров Ю. М. Организационно-правовые формы предпринимательства в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2017. № 2 (94). С. 103–108; Красильникова Т. К. Торговые дома как одна из разновидностей торговых корпораций в России в XIX — начале XX вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 4 (20). С. 225–227; Османов А. И. Корпоративные формы купечества Петербурга во второй половине XIX века // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2010. № 137. С. 26–34.

⁵ См.: Горбачев И. А. Указ. соч. С. 241–328; Максимов В. Я. Законы о товариществах. Акц. о-ва, т-ва на паях и торг. дома, артели и др. ... Справочная кн. для юристов, действующих и возникающих т-в. 2-е изд. М., 1911. С. 344–486.

⁶ См.: Горбачев И. А. Указ. соч. С. 238, 239.

на долю совокупного капитала, прибыли и собственности. В специальный раздел устава «Капитал Товарищества, паи и/или акции, права и обязанности владельцев его» вошли параграфы, которые оговаривали порядок выпуска, распределения ценных бумаг фирмы, их количество и номинал. Как показывает анализ содержания нормативных документов российских компаний, нарицательная стоимость паев была очень высокой и колебалась от 1 тыс. до 10 тыс. руб., тогда как акций — от 100 до 250 руб.⁷ Однако не только этим обстоятельством учредители изначально ограждали себя от миноритариев⁸ и посторонних лиц. Старейшие купеческие фирмы, как правило, не допускали свои паи к котировке на фондовой бирже, ценные бумаги находились в руках ограниченного круга лиц.

В отношении иноземных акционерных обществ действовали несколько иные правила. Сначала именным указом Александра II от 7 июня 1860 г. иностранцам даровалось право на владение недвижимостью, в том числе земель, что создавало благоприятные условия для привлечения инициативных представителей западноевропейских деловых кругов и индивидуальных предпринимателей. Эта юридическая норма, ставшая впоследствии ст. 830 Законов о состояниях, разрешала уроженцам из других стран приобретать «как через куплю, так и по наследству, завещаниям, дарственным записям, отводам из казны и т. п. всякого рода движимые и недвижимые имущества» в Российской империи. Для легализации предпринимательской активности правительство составило типовой перечень правил, на основании которых в стране разрешалось производить операции иностранным коммерческим организациям. Впервые «условия деятельности» были разработаны министерствами финансов, внутренних и иностранных дел для заграничных страховых обществ в конце 1871 г. На основании соглашения трех ведомств Комитет министров принял Положение, утвержденное императором 19 ноября 1871 г. С этого момента каждое иностранное страховое

общество подчинялось целому ряду строгих правил.⁹

В связи с более активным притоком зарубежных инвестиций в Россию в конце XIX в. для основной массы новых торгово-промышленных компаний вопрос об условиях деятельности встал лишь в декабре 1886 г. До этого момента, как показывает, например, история учреждения «New Russia Company Ltd.» (Новороссийское общество каменноугольного, железного, стального и рельсового производства), группа учредителей заключала договор с имперским правительством, который частично повторял статьи типового устава акционерной компании. Английская компания в лице Дж. Юза подписала таковой и получила высочайшую конфирмацию 18 апреля 1869 г. К договору прилагались также дополнительные условия по образованию общества, установившие предельный срок открытия действий. Согласно двустороннему соглашению, российское правительство безвозмездно уступало для разработки недр отводы из пустопорожних казенных земель с залежами угля в районе строящейся Харьковской железной дороги.¹⁰

В конце 1880-х гг. определился общий для всех набор статей, насчитывавших 10–15 пунктов «условий». Часть из них дублировала определенные законом 1836 г. обязательные требования к уставу учреждаемых обществ: наименование компании, цель и характер ее деятельности, объявление суммы капитала, порядок отчетности и управления, разбора споров, закрытия и ликвидации компании. Дополнительно к этому специально оговаривались имущественные права общества, часто с точным указанием принадлежавшей ему недвижимости (главным образом земля и рудники) на правах собственности или аренды, предписывалось учреждение ответственного агентства и определялись его обязанности. Отдельной статьей «условий» предусматривалось дальнейшее приобретение «в собственность или в срочное владение и пользование недвижимых имуществ... на основании действующих в России узаконений... и притом исключительно для надобности предприятия».¹¹

Первой компанией, допущенной 26 декабря 1886 г. к операциям в империи на таких основаниях, стало австро-венгерское металлур-

⁷ См., напр.: Устав акционерного общества Компания Зингер. СПб.: т. д. «Р. Шварц», 1909; Устав Компании Богородско-Глуховской мануфактуры. М., 1889; Устав Товарищества нефтяного производства Братьев Нобель. СПб., 1914; Устав Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и Ко». М., 1903; Устав Торгово-промышленного товарищества Петра Свешникова сыновья. М., 1897; Устав фабрично-торгового товарищества А. И. Абрикосова сыновей. М., 1902.

⁸ Владельцы неконтролирующего пакета акций/паев, который не дает право напрямую участвовать в управлении компанией.

⁹ См.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 35, ч. 1. № 35880; Там же. Т. 46, ч. 2. № 50194; Шепелёв Л. Е. Указ. соч. С. 153, 154.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 6. Д. 119. Л. 1–3; РГИА. Ф. 1498. Оп. 1. Д. 2. Л. 86–88об.

¹¹ Горбачёв И. А. Указ. соч. С. 331–336.

гическое и машиностроительное предприятие в Будапеште «Ганц и Ко». «Условия деятельности» иностранных акционерных обществ утверждались императором и в обязательном порядке публиковались во втором отделении Собрания узаконений и распоряжений правительства. Документально-правовые справочники практикующих юристов в качестве образца печатали нормативные документы некоторых конкретных фирм. «Условия деятельности» в Российской империи приравнивались к закону, в отличие от принятых за рубежом уставов иностранных обществ: последние в отечественной юридической практике рассматривались как договоры, толкование которых всецело находилось в ведении суда.¹²

Как и в промышленно развитых странах Западной Европы, в Российской империи право собственности также являлось важнейшим общественным институтом и основой для осуществления предпринимательской деятельности. В течение всего XIX в. в результате законотворческой деятельности правительства определение права собственности в гражданских законах получило достаточно четкое и ясное выражение.¹³ Сначала в результате систематизации и инкорпорации действующих российских законов, проводившихся М. М. Сперанским в начале 1830-х гг., появился общий Свод, в X том которого вошли Законы гражданские. Второй раздел кодекса, озаглавленный «О существе и пространстве разных прав на имущества», открывался ст. 420, давшей определение праву собственности. Впервые в России появилась относительно четкая дефиниция этой юридической категории. Ее констатирующую пространную формулировку удачно дополняла чеканная по своей ясности ст. 423, которая зафиксировала единство прав владения, пользования и распоряжения собственностью.

Во второй половине XIX в. в связи с отменой крепостного права возникла объективная потребность в пересмотре действующего законодательства и приведении его в соответствие с новыми социально-экономическими реалиями. В результате воплощения в жизнь судебной реформы 1864 г. при Сенате были созданы Гражданский и Уголовный кассационные департаменты, которые сыграли большую роль в

разработке норм, не известных действовавшему праву. Судебная практика через разъяснения первого из них не только уточнила и отрегулировала смысловое содержание понятия «право собственности», но и существенно расширила его границы. Уже в 1869 г. в российской юриспруденции появилась сжатая и емкая формулировка, отвечавшая духу времени. Статья 7786 Свода кассационных положений зафиксировала следующее: «Право собственности есть приобретённая в установленном законами порядке власть исключительно и независимо от постороннего лица владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом».¹⁴

Таким образом, в России право собственности было не просто разделено на составные части — они могли отдельно друг от друга фигурировать в гражданском обороте на рынке недвижимости, что имело непосредственное отношение к договорам об аренде и залоге имущества. На рубеже 1860–1870-х гг. в отечественном правоведении окончательно оформилось раздельное существование общепринятой триады: «Право собственности складывается из трех отдельных прав: права владения, права пользования и права распоряжения. Когда все эти права складываются в одном физическом или юридическом лице, тогда оно есть полное».¹⁵ При этом национальная трактовка освободилась от камня преткновения западноевропейской юриспруденции. Как видно, в русском законодательстве право собственности было совершенно свободно от первенствующей роли права владения. В 1887 г. судебная практика внесла еще одно важное дополнение: собственнику земли отдавалась власть не только на ее недра, но и на воздушное пространство в границах владения поверхностью. С этого момента отечественная дефиниция права собственности на землю приблизилась к таковой в иностранных законодательствах.¹⁶

Становление капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве, широкое развитие разнообразных организационных форм предпринимательства, а также связанное с этим увеличение числа совместных и корпоративных владельцев привело к необходимости уточнения позиций закона в вопросах общей

¹² См., напр.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1907. Отд. II. Ст. 177, 192, 602, 604; Горбачев И. А. Указ. соч. С. 331–338; Максимов В. Я. Указ. соч. С. 102, 509–514.

¹³ Подробнее см.: Поткина И. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности. С. 32–53.

¹⁴ Исаченко В. Л. Свод кассационных положений по вопросам русского гражданского материального права за 1866–1910 годы. СПб., 1911. С. 767.

¹⁵ Там же. С. 767. Ст. 7787.

¹⁶ См.: Там же. С. 768. Ст. 7796; Курдиновский В. И. К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России. Одесса, 1899. С. 81, 82.

и общественной собственности. Гражданский департамент Сената на рубеже XIX–XX вв. дал ряд разъяснений по поводу прав и ответственности указанных категорий совладельцев, а также внес ясность в вопросы купли-продажи совместного имени. Во-первых, «соучастнику в общей собственности» принадлежало «право в соответствующей доле на каждую часть целого имущества». Во-вторых, каждый из них пользовался доходами и нес «все обязанности по имению соразмерно своей доле». И, наконец, совладелец не мог приобрести исключительное право на свою часть в общей собственности, если она не была выделена ему другими партнерами по имени или предприятию. С общественной собственностью все оказалось проще: юридическое лицо выступало в роли владельца, на которое распространялось также и право защиты.¹⁷

Прежде чем перейти к сравнительному анализу процесса перераспределения имущества, ценных долевого бумаг и влияния этого на характер управления в ряде фирм, скажем несколько слов о правовом регулировании наследования в Российской империи, что имело важное значение для предпринимательской практики. Эти правоотношения были зафиксированы в третьей книге Законов гражданских. При этом глава V, «О духовных завещаниях», предусматривала два основных вида распоряжений: нотариально заверенное и домашнее, то есть составленное при свидетелях и ими подписанное вместе с завещателем. Законы гражданские выделяли в отдельную категорию менее распространенные «особенные завещания», которые оформлялись военными в полковых и других канцеляриях во время зарубежных походов и получали силу нотариально заверенных. Во всех документах содержалась последняя воля владельца относительно своего имущества на случай смерти. Названная глава устанавливала порядок составления, хранения и исполнения духовных завещаний.¹⁸ В таком важном вопросе торгово-промышленные фирмы неукоснительно следовали закону, что в обязательном порядке фиксировалось в организационно-распорядительной документации.

Процесс перераспределения торгово-промышленной собственности, основные этапы которого были характерны для большинства

хлопчатобумажных мануфактур России, легче всего показать на примере известной купеческой династии Морозовых, в чьих руках на рубеже XIX–XX вв. находились четыре самостоятельные текстильные фирмы, ставшие лицом отрасли. Основатель рода и семейного предприятия С. В. Морозов 24 ноября 1860 г. учредил торговый дом «Савва Морозов с сыновьями». Его членами стали сам родоначальник, Иван и Тимофей Саввичи, а также дети покойного Абрама Саввича. При этом весь капитал фирмы в размере 4 576,56 тыс. руб. делился на четыре равные части, одна из которых принадлежала наследникам умершего сына. После кончины С. В. Морозова 20 апреля 1861 г. на основании духовного завещания был произведен очередной раздел капитала. Доля главы рода поровну распределялась между оставшимися в живых членами торгового дома. Довольно быстро из дела вышел И. С. Морозов, не питавший особого пристрастия к мануфактурному делу и забравший свою часть капитала.¹⁹ В сущности, с этого момента единоличным руководителем семейного предприятия «Савва Морозов с сыновьями» стал младший сын основателя Т. С. Морозов, который в 1871 г. после раздела имущества с наследниками А. С. Морозова переименовал отцовскую фирму в торговый дом «Саввы Морозова сын и Ко».²⁰ В этой организационной форме она просуществовала до учреждения 20 июля 1873 г. паевого Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и Ко», коммерческая цель которого заключалась в «содержании и развитии действий промышленных и торговых заведений».²¹

Проследим, как распределялись паи между владельцами одного из крупнейших текстильных предприятий Российской империи. Первоначально общее число пайщиков составило 18, среди которых оказались деловые партнеры Морозовых. Несмотря на то что в дело вошло дополнительно 10 посторонних лиц, не связанных узами родства с главой фирмы, Морозовы сохранили характер семейного предприятия и полностью его контролировали. Им принадлежало 92,6 % (4 632 из 5 000) всех паев Товарищества и 54,1 % (26 из 48) голосов на общих собраниях пайщиков. Следовательно, ни одно решение главы фирмы Т. С. Морозова не могло

¹⁷ См.: Исаченко В. Л. Указ. соч. С. 773. Ст. 7848, 7854, 7855. О различных видах собственности в России см.: Поткина И. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности. С. 31–54.

¹⁸ См.: СЗ. Т. X, ч. 1. Ст. 1010–1103.

¹⁹ Подробнее см.: Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004.

²⁰ См.: Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и Ко». К всероссийской выставке 1882 г. М., 1882. С. 4.

²¹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 48, ч. 2. № 52489.

быть заблокировано. После владельцев предприятия самым крупным держателем ценных бумаг стал торговый дом «Л. Кноп», который поставлял фабричное оборудование. Его доля в общем капитале фирмы была равной 100 тыс. руб., или 100 паям, за ним следовали соучредители Ф. Ф. Пантелев (52 пая), М. И. Дианов и С. П. Прокофьев (по 50 паев). Держателями небольшого пакета паев, по уставу не имевшими права решающего голоса, стали доверенные служащие Товарищества: скромный бухгалтер и известный в России благотворитель И. А. Колесников (15 паев), инженер-практик и первоклассный мастер А. И. Шорин (1 пай).²²

После смерти Т. С. Морозова, согласно духовному завещанию, нотариально заверенному 19 апреля 1888 г., наследницей дела становилась его вдова. «Все без изъятия недвижимое и движимое мое имение, мною благоприобретенное... в чем бы оно ни заключалось и где бы ни находилось, — записано в документе, — я завещаю супруге моей Марии Федоровне Морозовой в полную исключительную и независимую ее собственность и в неограниченное владение и распоряжение». При этом сыновья Савва и Сергей, дочери Анна и Юлия получали по 50 тыс. руб. наличными и 50 тыс. руб. паями Товарищества.²³

В 1893 г. М. Ф. Морозова, как глава предприятия, владела почти половиною всех дивидендных бумаг (48,2 %, или 2 413 шт.), на долю ее сыновей, Саввы и Сергея, приходилось чуть больше 26 % (по 13 % на каждого, или 657 и 656 шт. соответственно). Они продолжали оставаться самыми крупными пайщиками, и им же принадлежало максимальное количество голосов на общих собраниях. К 1904 г., после увеличения основного капитала до 7,5 млн. руб., положение фактически не изменилось. В марте того года на руках у Саввы и Сергея Тимофеевичей находилось самое большое количество паев после Марии Федоровны — 985 и 984 соответственно, удельный вес которых в общей массе остался прежним. После смерти в 1905 г. С. Т. Морозова, все движимое и недвижимое имущество, согласно домашнему завещанию 1892 г., поступало в полное владение и распоряжение к его вдове Зинаиде. При этом старшим детям, Тимофею и Марии, отдавалось по 25 паев.²⁴

Важные изменения в распределении дивидендных бумаг произошли после смерти М. Ф. Морозовой, скончавшейся 18 июля 1911 г. Ее огромное наследство в размере 30 млн руб. (за вычетом около 1,5 млн руб. на благотворительные цели) переходило по духовному завещанию в собственность к ее детям и внукам. Прямые наследники по нисходящей линии получали в равных долях одну пятую состояния М. Ф. Морозовой, которое заключалось в ценных бумагах, векселях и паях. К 1912 г. общее число компаньонов Товарищества достигло 60 чел., поделивших между собой 15 тыс. паев. Самым крупным владельцем ценных бумаг являлся С. Т. Морозов, в руках которого сосредоточилось 3 792 пая, или свыше 25 % от общей массы. В этом ему значительно уступали оставшиеся в живых к тому моменту старшие сестры Анна и Юлия. Однако вместе с детьми и зятьями они в совокупности тоже принадлежали к числу крупных пайщиков (соответственно 19,3 % и 14,9 %). На долю вдовы и детей Саввы Тимофеевича приходилось 12,5 % всех паев, а наследников А. Т. Назаровой (урожд. Морозова) — 20,2 %. В целом в руках второго и третьего поколения «Тимофеевичей» сосредоточилось 13 837 паев (92 %) от общего количества, которые давали им и подавляющее преимущество в голосах на общих собраниях (74 %). Оставшиеся ценные бумаги распределились между несколькими служащими и потомками состоявших при Т. С. Морозове заведующих, а также среди небольшого числа деловых партнеров.²⁵

Таким образом, в течение всего периода существования фирмы перераспределение между сородичами и прямыми наследниками ее движимого и недвижимого имущества происходило в строгом соответствии с действующим законодательством Российской империи. Накануне революции Товарищество Никольской мануфактуры, созданное умом и талантом Т. С. Морозова, его супруги Марии Федоровны и их сыновей, перестало находиться в безраздельном владении одного или более лиц, как это было в конце XIX в., а превратилось, по сути, в партнерскую собственность большого семейного клана. При этом подавляющее число пайщиков, среди которых находились и потомки Морозовых, практически не играло никакой роли в делах Товарищества, но исправно получало дивиденды. Как показывает анализ состава

²² Отдел хранения документов до 1917 г. (ОХД до 1917 г.) ЦГА Москвы. Ф. 342. Оп. 1. Д. 87. Л. 12, 19; Д. 82. Л. 1.

²³ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 47. Л. 15.

²⁴ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 87. Л. 114, 166, 170; Ф. 357. Оп. 1. Д. 131. Л. 1–10б.

²⁵ Там же. Л. 232–233.

правления и распределение ценных бумаг, владельцы утратили первенствующие позиции в руководстве как высшем, так и среднем (на уровне заведующих производственными подразделениями). В конечном счете произошло фактическое разграничение права собственности и права распоряжения, реализованного посредством функции управления.

На таких же легальных основаниях происходило перераспределение собственности практически во всех торгово-промышленных заведениях Российской империи, включая заграничные компании и русские с иностранным капиталом. Крупные отечественные оптово-розничные организации, игравшие важную роль на внутреннем рынке, также прошли путь от индивидуального предприятия через образование торгового дома к учреждению паевого товарищества, и этот процесс растянулся на несколько десятков лет.

Одним из показательных примеров может служить история чайной фирмы «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и Ко», к изучению которой современные исследователи приступили совсем недавно.²⁶ Родоначальник купеческой династии и основатель семейного дела А. С. Губкин начал заниматься торговлей чаем в 1840 г. вместе со своими братьями, которые вскоре после раздела имущества вышли из дела. Вплоть до своей кончины А. С. Губкин выступал как индивидуальный предприниматель. Только спустя 43 года после его смерти А. Г. Кузнецов, который по духовному завещанию полностью унаследовал детище своего деда, учредил торговый дом «Алексея Губкина наследник А. Кузнецов» в форме товарищества на вере, в котором, согласно закону, неограниченная ответственность распространялась только на одно или несколько лиц, а ответственность других участников соотнобразовывалась со сделанными ими вкладами в общее дело.²⁷ Как следует из работы О. А. Ренёвой, доля вложенных средств двух компаньонов, дяди главы фирмы А. К. Кузнецова и управляющего А. Е. Владимиров, по нашим подсчетам, составляла менее 3 % от всей суммы капиталов.²⁸

В 1891 г. чаеоторговое заведение было преобразовано в паевое товарищество с капиталом 10 млн руб., причем нарицательная стоимость одной дивидендной бумаги была очень высокой и исчислялась 10 тыс. руб. Это давало возможность владельцам существенно сузить круг компаньонов и оградить фирму от посторонних лиц, не отступая от статей устава и существующей в деловом мире практики. В качестве учредителей выступили два сотоварища по торговому дому А. Г. Кузнецов, А. Е. Владимиров и привлеченный к делу отец главы фирмы Г. К. Кузнецов. Незначительная часть паев была распределена среди приглашенных семейных человек, из которых только один состоял в родстве с А. Г. Кузнецовым. Таким образом, общее число держателей дивидендных бумаг на момент образования Товарищества составило 10 чел. После кончины главы предприятия летом 1895 г. принадлежавшие ему пай по духовному завещанию были поровну поделены на две части, которые унаследовали братья и сестры Кузнецовы, а также племянники и племянницы Ушковы. К 1914 г. количество пайщиков увеличилось более чем в два раза. Если обработать данные реестра дивидендных бумаг, приведенного О. А. Ренёвой, то к 1914 г. в руках наследников А. Г. Кузнецова первой и второй очереди находилось 488 (Кузнецовы) и 455 паев (Ушковы), то есть 943 шт. из 1 000. В итоге вместе они владели 94,3 % выпущенных бумаг, тогда как на долю оставшихся 9 совладельцев корпоративной собственности приходилось 57, из них 43 пая принадлежали бессменному директору-распорядителю фирмы А. Е. Владимирову.²⁹ В конечном счете в течение более чем 70-летнего периода существования чаеоторгового дела владельцы предприятия «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и Ко» сохранили торгово-промышленную собственность в руках большого семейного клана. А если посмотреть на состав правления и директоров,³⁰ то и в этой фирме произошло обособление функции управления от права собственности.

Что касается иностранных предприятий, то в качестве показательных примеров могут служить истории старейших компаний, сыгравших важную роль в становлении новых передовых отраслей в отечественной промыш-

²⁶ См.: Ренёва О. А. Пайщики и служащие торгово-промышленного товарищества «Губкин&Кузнецов» // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2019. Вып. 9, ч. 2. С. 151–157; Она же. Товарищества «Губкин&Кузнецов» и «В. Высоцкий и Ко» — чаеоторговые фирмы-конкуренты // Исторические события в жизни Китая и современность: материалы V Всерос. науч. конф. Института Дальнего Востока РАН. М., 2019. С. 272–281. См. также: Соколов И. А. Чай и чайная торговля в России, 1790–1919 гг. М., 2012.

²⁷ См.: Горбачёв И. А. Указ. соч. С. 127.

²⁸ См.: Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности торгово-промышленного товарищества Преемник Алек-

сея Губкина А. Кузнецов и К°, 1891–1916. М., 1917. С. 3, 7, 8; Ренёва О. А. Пайщики и служащие... С. 152.

²⁹ См.: Исторический очерк... С. 12; Ренёва О. А. Пайщики и служащие... С. 156 (подсчеты наши).

³⁰ См.: Исторический очерк... С. 19.

ленности. Одна из первых в мире успешных транснациональных корпораций «Компания Зингер» начала свою коммерческую деятельность в России в 1865 г. с продажи швейных машин и функционировала в таком качестве до тех пор, пока в 1897 г. в Петербурге не было основано на иностранные капиталы формально русское общество как дочернее предприятие американской фирмы. Оно создавалось с целью организации завода легкого машиностроения в Подольске в Московской губернии. В качестве учредителей выступили иностранные граждане, менеджеры высшего звена Ф. Дж. Борн, Д. Александер и Г. Нейдлингер, причем последний являлся временным петербургским купцом 1-й гильдии. Вся принадлежавшая столичному коммерсанту собственность по торговому делу в соответствии с законами Российской империи передавалась «Компании Зингер». нарицательная стоимость акций, которые хранились исключительно в Национальном банке Шотландии, была очень высокой и равнялась 1 тыс. руб., а купоны к ним находились в кассе фирмы в Азовско-Донском банке. Более того, они не допускались к котировке на фондовых биржах, независимо от страны местонахождения. Несмотря на транснациональный характер деятельности, «Компания Зингер» в течение своей истории оставалась, как подчеркивали члены правления, чисто семейным предприятием. Процентные бумаги находились «в руках ограниченного числа лиц, к которым они перешли по наследству от учредителей американского общества и каковыми были Зингер и Кларк», как указывалось в исторической справке, подготовленной правлением в 1915 г. по случаю необоснованных обвинений в шпионаже в пользу Германии.³¹ Иными словами, «Компания Зингер» представляла собой общество закрытого типа, что было характерно для большинства акционерно-паевых предприятий Российской империи.

Другая английская фирма, давшая начало новому экономическому региону на юге Российской империи, «New Russia Co. Ltd» также сохраняла ограниченное число совладельцев корпоративной собственности в течение полувека до продажи контрольного пакета акций в апреле 1916 г. Русско-Азиатскому банку. Уже при учреждении Новороссийского общества 49 % первой части выпущенных дивидендных бумаг нахо-

дилось в руках девяти британских подданных, включая основателя металлургического предприятия Дж. Юза. Среди акционеров были и русские, в частности князь С. В. Кочубей, который переуступил Дж. Юзу за солидный пакет акций создаваемой компании концессию на постройку завода, не сумев собрать первоначальный капитал. Доля князя составляла 15 %. К 1914 г. общее число держателей контрольного пакета акций насчитывало 22 чел., которые поделили между собой 12 009 шт., остальные оказались в руках миноритариев. К числу крупных акционеров принадлежали две семьи, Юзы и Бальфуры, одновременно являвшиеся фактическими руководителями компании. Вместе они владели почти 50 % акций. Что касается имущества, то накануне Первой мировой войны на правах собственности Новороссийскому обществу принадлежала огромных размеров недвижимость, включавшая земельные участки с полезными ископаемыми. Она насчитывала около 30 тыс. десятин с балансовой стоимостью почти 26,5 млн руб.³²

Завершая, отметим, что все иностранные акционерные общества, производившие операции в России, а также заключившие сделки с отечественными предпринимателями, находились под охраной наших законов и имели право на судебную защиту. В интервале 1863–1904 гг. Российская империя заключила соответствующие двусторонние соглашения со странами Западной Европы и США,³³ что позволило окончательно утвердить равноправие между русскими и иностранцами в деловой сфере.

Таким образом, российское гражданское право, включая корпоративное законодательство, с момента своего возникновения, а затем процесса инкорпорации и правообразования не только охраняло имущественные права индивидуальных владельцев и отдельных групп частных собственников, независимо от их гражданства, но и позволяло сохранить правопреимство. Передовые фирмы, ставшие в России своеобразными флагманами отрасли, несмотря на перераспределение собственности и перемены в руководстве, благодаря преемственности в управлении и в деловых отношениях с партнерами сумели обеспечить стабильность и поступательность своего экономического развития, продемонстрировать эффективность коммерческой организации.

³¹ ОХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 104. Л. 1.

³² РГИА. Ф. 1498. Оп. 1. Д. 1. Л. 10б.–2; Там же. Ф. 23. Оп. 28. Д. 1496; ОХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Л. 4.

³³ См.: Горбачёв И. А. Указ. соч. С. 330, 331.

Irina V. Potkina

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: potka@inbox.ru

SUCCESSION OF COMMERCIAL AND INDUSTRIAL PROPERTY
IN LATE IMPERIAL RUSSIA: LAW AND PRACTICE

The article deals with some issues of elaboration of the most important part of civil laws connected with property relations in the field of entrepreneurship. In the early 19th century, Russia was in the process of forming corporate legislation, which put the empire on a par with the advanced Western European countries from this point of view. That fact contributed to the broader development of entrepreneurship, which could legally be carried out in various forms. At the same time, work was carried out on the improvement of such a legal category as the institution of property, on rethinking and generalization of the previous national experience. The legislative activity of the government in the second half of the 19th century focused on the problems of adapting the current norms of law to the peculiarities of the socio-economic development of the country, as well as filling the gaps caused by the abolition of serfdom. The article shows the implementation of legal norms in everyday commercial life using the typical examples of some Russian and foreign joint-stock companies. Ultimately, Russia's legislation was brought in line with the norms in force in this area in Western European countries. Based on the factual material, contained in various published sources and archival documents, the author concludes that Russian laws created favorable conditions for entrepreneurial activity and ensured the protection of the property rights of merchants and manufacturers, allowing them to maintain succession in business legal relationship.

Keywords: *legal regulation, civil laws, corporate legislation, property right, inheritance law, joint-stock companies*

REFERENCES

- Dyomkin A. V. *Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Rossii v kontse XVIII — nachale XIX v.* [Manufacturing industry in Russia at the end of the 18th — early 19th century]. Moscow: IRI RAN Publ., 2008. (in Russ.).
- Istoricheskiy ocherk dvadtsatipyatiletney deyatel'nosti torgovo-promyshlennogo tovarishchestva Preyemnik Alekseya Gubkina A. Kuznetsov i K^o, 1891–1916* [Historical essay of twenty-five years activity of the commercial and industrial partnership Successor of Alexei Gubkin A. Kuznetsov and Co., 1891–1916]. Moscow: T-vo Skoropechatni A. A. Levenson Publ., 1917. (in Russ.).
- Klimova O. G., Goncharov Yu. M. [Legal forms of the enterprise in Siberia in the second half of the 19th — early of the 20th century]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2017, no. 2 (94), pp. 103–108. DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-16 (in Russ.).
- Krasilnikova T. K. [Merchant ventures as a form of trading corporations in Russia in 19th — early 20th centuries]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social Educational Idea], 2013, no. 4 (20), pp. 225–227. (in Russ.).
- Osmanov A. I. [Corporative merchant culture in St. Petersburg in the late 19th century]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2010, no. 137, pp. 26–34. (in Russ.).
- Potkina I. V. *Na Olimpe delovogo uspekha: Nikol'skaya manufaktura Morozovykh, 1797–1917* [On the Olympus of business success: the Morozovs' Nikolskaya Manufactory, 1797–1917]. Moscow: Izd-vo Glavarkhiva Moskvyy Publ., 2004. (in Russ.).
- Potkina I. V. *Pravovoye regulirovaniye predprinimatel'skoy deyatel'nosti v Rossii, XIX — pervaya chetvert' XX v.* [Legal regulation of entrepreneurial activity in Russia, 19th — first quarter of 20th century]. Moscow: Norma Publ., 2009. (in Russ.).
- Reneva O. A. [Partnerships “Gubkin & Kuznetsov” and “V. Vysotsky and Co.” — competing tea trading firms]. *Istoricheskiye sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost'. Materialy V Vseross. nauch. konf. Instituta Dal'nego Vostoka RAN* [Historical events in the life of China and the present times. Materials of the 5th All-Russian Sci. Conf. of the Institute of the Far East of the RAS]. Moscow: IDV RAN Publ., 2019, pp. 272–281. (in Russ.).
- Reneva O. A. [Shareholders and employees of the commercial and industrial partnership “Gubkin & Kuznetsov”]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Russia and China: history and prospects of cooperation. Materials of the 9th International Sci. and Pract. Conf.]. Blagoveshchensk: BGPU Publ., 2019, iss. 9, part 2, pp. 151–157. (in Russ.).
- Shepelev L. E. *Aktsionernyye kompanii v Rossii: XIX — nachalo XX veka* [Joint-stock companies in Russia: 19th — early 20th century]. Saint Petersburg: SPbGU Publ., 2006. (in Russ.).
- Sokolov I. A. *Chay i chaynaya trgovlya v Rossii, 1790–1919 gg.* [Tea and tea trade in Russia, 1790–1919]. Moscow: Sputnik+ Publ., 2012. (in Russ.).

Исаак Меррит Зингер (1811–1875)
Художник Э. Х. Мэй.
Национальная портретная галерея (США)

Рекламный плакат
Художник В. А. Табурин. Начало XX в.

Тимофей Саввич Морозов (1823–1889),
основатель и директор-распорядитель
Товарищества Никольской мануфактуры
«Саввы Морозова сын и Ко»

Савва Тимофеевич Морозов (1862–1905),
совладелец и директор правления
Товарищества Никольской мануфактуры
«Саввы Морозова сын и Ко»

Джон Джеймс Юз (1815–1888),
основатель Новороссийского общества
каменноугольного, железного, стального
и рельсового производств

Алексей Семенович Губкин (1816–1883),
купец 1-ой гильдии,
основатель российской чайной фирмы

Чаеразвесочная фабрика и склад Торгово-промышленного товарищества
«Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» в Москве. Фото начала XX в.